ВЕРХОВНЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 2-АПУ13-4

А П Е Л Л Я Ц И О Н Н О Е О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва 18 апреля 2013 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего – Шурыгина А. П.
судей – Иванова Г. П. и Шамова А. В.

при секретаре Кочкине Я. В.

рассмотрела в судебном заседании уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя Корнилова А. В. и апелляционным жалобам осужденных Шестакова А. В., Русакова А. А., Важалиной Т. В., адвокатов Пака Д. А., Макарова Ю. Г. на приговор Вологодского областного суда от 28 января 2013 года, которым

ШЕСТАКОВ А В [redacted],

судимый:

1) 5 июля 2000 года по ст. ст. 105 ч. 2 п. п. «а, ж, з, к», 162 ч. 3 п. п. «в, г», 30 ч. 3 и 167 ч. 2 УК РФ к 23 годам лишения свободы,
2) 7 декабря 2000 года по ст. ст. 105 ч. 1 и 158 ч. 2 п. «в» УК РФ к 24 годам лишения свободы,

осужден по ч. 3 ст. 33 и п. п. «а, в» ч. 2 ст. 211 УК РФ к 10 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, по ч. 3 ст. 313 УК РФ к 6 годам 6 месяцам лишения свободы, по ч. 1 ст. 318 УК РФ к 3 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 166 УК РФ к 2 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 119 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы, по совокупности совершенных преступлений, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, к 15 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, и на основании ст. 70 УК РФ к 24 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, с отбыванием первых 5 лет лишения свободы в тюрьме, а остального срока в исправительной колонии особого режима.

РУСАКОВ А А судимый:

1) 15 ноября 2005 года по ст. 162 ч. 3 УК РФ к 8 годам лишения свободы, освобождавшийся 15 декабря 2010 года условно-досрочно на не отбытый срок 1 год 8 месяцев 13 дней,

осужден по п. п. «а, в» ч. 2 ст. 211 УК РФ к 9 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 313 УК РФ к 5 годам лишения свободы, по ч. 2 ст. 228 УК РФ (в редакции ФЗ № 87 от 19 мая 2010 года) к 3 годам лишения свободы, по совокупности совершенных преступлений, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, к 11 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, и на основании ст. 70 УК РФ к 12 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, с отбыванием лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

ВАЖАЛИНА Т В, судимая:

1) 23 сентября 2008 года по ст. ст. 30 ч. 1 и 228-1 ч. 1, 228 ч. 2 УК РФ к 4 годам 6 месяцам лишения свободы, освобождавшаяся условно-досрочно 20 июня 2011 года на не отбытый срок 1 год 4 месяца 20 дней,

осуждена по п. п. «а, в» ч. 2 ст. 211 УК РФ к 9 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 313 УК РФ к 5 годам лишения свободы, по совокупности совершенных преступлений, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, к 10 годам лишения

свободы с ограничением свободы на 1 год с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, и на основании ст. 70 УК РФ к 11 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с возложением ограничений и обязанностей, указанных в приговоре, с отбыванием лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

По делу решена судьба вещественных доказательств, в том числе денежных средств, изъятых у Русакова А. А. в сумме [redacted] руб., которые по вступлении приговора в законную силу подлежат возврату ему.

Заслушав доклад судьи Иванова Г. П., выступления осужденных Шестакова А. В., Русакова А. А. , Важалиной Т. В., адвокатов Антонова О. А., Романова С. В., Юдкина Ф. А. по доводам апелляционных жалоб, просивших приговор отменить или изменить и смягчить наказание, прокурора Самойлова И. В. по доводам апелляционного представления, просившего приговор изменить в части осуждения Шестакова А. В. по ст. 119 ч. 1 УК РФ, квалифицировать его действия по ст. ст. 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ и усилить наказание, Судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

приговором суда Шестаков А. В. признан виновным в организации и руководстве захватом судна воздушного транспорта в целях угона и угоном такого судна, совершенными группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья.

Кроме того, Шестаков А. В., отбывающий наказание, совершил побег из места лишения свободы, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также совершил угрозу применения насилия в отношении представителя власти в связи с выполнением им своих должностных обязанностей, неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (угон) и угрозу убийством.

Русаков А. А. и Важалина Т. В. признаны виновными в захвате судна воздушного транспорта в целях угона и угон такого судна, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также в пособничестве совершению побега из места лишения свободы лицом, отбывающим наказание, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, путем предоставления информации и средств преступления.

Кроме того, Русаков А. А. признан виновным в незаконном хранении без цели сбыта психотропных веществ в особо крупном размере.

Преступления совершены в период с января 2012 года по 23 марта 2012 года на территории [redacted] при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В судебном заседании Шестаков А. В., Русаков А. А. и Важалина Т. В. виновными себя признали частично.

В апелляционном представлении ставится вопрос об отмене приговора в части осуждения Шестакова по ст. 119 ч. 1 УК РФ и вынесении обвинительного приговора по ст. ст. 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ, назначении ему наказания по этому закону в виде лишения свободы сроком на 6 лет, назначении наказания по совокупности преступлений в виде лишения свободы на срок 16 лет с ограничением свободы сроком на 2 года и по совокупности приговоров в виде 25 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года, с возложением обязанностей и ограничений, предусмотренных ст. 53 УК РФ. Указывается, что предшествующие действия Шестакова в отношении сотрудников полиции и ФСИН, а также угон автомашины К[redacted] свидетельствуют о направленности умысла на то, чтобы скрыться от правоохранительных органов, в том числе с использованием транспортных средств. Каких-либо иных мотивов для угрозы в отношении ранее незнакомых ему З[redacted], помимо необходимости завладеть принадлежащим З[redacted] К. автомобилем [redacted], в ходе предварительного и судебного следствия не установлено. Сам Шестаков также не смог объяснить свои действия, не оспаривая их по существу. То есть, первоначальная квалификация его действий по ст. ст. 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ, которую дали органы предварительного расследования, являлась правильной. В связи с неправильным применением уголовного закона считает, что наказание, назначенное Шестакову по ст. 119 ч. 1 УК РФ, по совокупности преступлений и по совокупности приговоров, является чрезмерно мягким.

В апелляционных жалобах и дополнениях:

осужденный Шестаков считает, что он необоснованно осужден по ст. 211 УК РФ за захват и угон вертолета, ссылаясь на то, что им был заключен договор аренды, во исполнение которого Р[redacted] и перевез его с территории исправительной колонии до г. [redacted]. Никакого насилия к пилоту не применялось и угрозы применения к нему насилия не высказывались. Основной целью был побег и никаких других общественно опасных действий не планировалось. Действия Русакова в

отношении Р в силу его болезненного состояния явились эксцессом исполнителя. Побег из колонии он совершил без применения насилия и без угрозы применения насилия, так как во время побега рядом с ним не было ни сотрудников колонии, ни осужденных, в связи с чем, просит переквалифицировать его действия с ч. 3 ст. 313 УК РФ на ч. 1 ст. 313 УК РФ. Не согласен он и с осуждением по ст. ст. 166 ч. 1, 119 ч. 1 и 318 ч. 1 УК РФ, утверждая, что не намеревался завладеть автомашиной К, лишь хотел скрыться от преследования. З убийством не угрожал, а, убегая от сотрудников полиции, не угрожал им насилием, хотя и направлял в их сторону муляж пистолета, просит оправдать его по указанным статьям. Просит также учесть, что он дважды просил заключить с ним досудебное соглашение о сотрудничестве, дал подробные и чистосердечные показания, чем способствовал выявлению фактов нарушений закона должностными лицами исправительной колонии, из которой совершил побег;

адвокат Макаров просит приговор в части осуждения Русакова по ст. ст. 211 ч. 2 п. п. «а, в» и 228 ч. 2 УК РФ отменить и вынести по данным эпизодам оправдательный приговор. В остальном приговор изменить, переквалифицировать его действия с ч. 5 ст. 33 и 313 ч. 3 УК РФ на ст. ст. 33 ч. 5 и 313 ч. 1 УК РФ и снизить наказание, применив ст. 73 УК РФ. Считает, что выводы суда о виновности Русакова не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, и указывает, что суд неправильно применил уголовный закон и назначил несправедливое наказание. По мнению адвоката, в действиях Русакова отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 211 УК РФ, поскольку его единственной целью было помочь Шестакову совершить побег из исправительной колонии. Захват же воздушного судна и его угон, как уголовно наказуемые деяния, должны посягать на интересы общественной безопасности, чего по настоящему делу не было. Действия Русакова повлекли за собой только нарушение пилотом Р правил эксплуатации воздушного судна и безопасности воздушных полетов. Кроме того, суд излишне вменил Русакову оба эти деяния, так как по своей общественной опасности они приравнены друг к другу. Адвокат также считает, что Русаковым не применялась угроза насилием при побеге Шестакова из колонии, к тому же, она должна применяться к лицам, которые, в соответствие со своими служебными обязанностями, препятствуют побегу, а пилот Р к таким лицам не относится. Кроме того, Русаков признан не исполнителем, а пособником в совершении побега, поэтому получение им контроля над воздушным судном, должно оставаться за рамками совершения основного преступления, в данном случае побега. К тому же, сам Шестаков в момент побега пилоту не угрожал, так как находился вне вертолета. Вина Русакова в незаконном хранении амфетамина не доказана, поскольку он не знал, что обнаруженный у него пакетик с порошком

является психотропным средством. Важалина говорила ему, что это энергетическое средство. Кроме того, суд не применил ст. 10 УК РФ, в силу которой, Постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 года № 1002 улучшает его положение, так как объем обнаруженного у него амфетамина в настоящее время относится к крупному, а не особо крупному размеру. Наказание назначено без учета того, что от действий Русакова никакого вреда не наступило, и его чрезмерная суровость объясняется, по мнению адвоката, только возникшим общественным резонансом вокруг побега Шестакова из колонии с использованием вертолета, поскольку при наличии по делу смягчающих обстоятельств Русакову назначено 11 лет лишения свободы;

адвокат Пак просит приговор изменить, переквалифицировать действия Важалиной с ч. 5 ст. 33 и ст. 313 ч. 3 УК РФ на ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 313 УК РФ, снизить размер наказания, назначенного по этой статье, по ст. 211 ч. 2 п. п. «а, в» УК РФ Важалину оправдать. По мнению адвоката, действия Русакова в отношении пилота Р[redacted] явились эксцессом исполнителя, и поскольку Важалина сама никаких действий в отношении него не совершала, а только находилась в кабине вертолета, в ее деянии отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 211 УК РФ. К тому же, как следует из показаний Р[redacted], он управления над вертолетом не терял, никаких угроз общественной безопасности не было. Умысла на угон воздушного судна у Важалиной также не имелось. Адвокат не оспаривает, что Важалина способствовала Шестакову в побеге из колонии, однако утверждает, что побег был совершен без применения угрозы насилием, связывая это с моментом окончания совершения преступления. После того, как Шестаков на тросе пересек границы колонии и поднялся на вертолет, пилоту Р[redacted] никто угроз применения насилия не высказывал. При назначении наказания не учтена минимальная роль Важалиной в совершении преступления и мотив, которым она руководствовалась;

осужденный Русаков утверждает, что Важалина обманным путем вовлекла его в совершение преступления, она давала ему амфетамин, называя его энергетическим средством, под воздействием которого он не отдавал отчет своим действиям и не мог ими руководить. В этом же состоянии он написал явку с повинной и дал первые показания на предварительном следствии. При этом явку с повинной написал по предложению адвоката Купцовой, которая тем самым усугубила его положение. Считает, что судебно-психиатрическая экспертиза, подтвердившая его вменяемость, проведена необъективно и не квалифицированными специалистами. Данные о его жизни до совершения инкриминируемого ему преступления в акте указаны неверные, сама экспертиза проводилась не с 18 апреля по 3 мая 2012 года, а только 18 апреля 2012 года и 3 мая 2012 года. В вызове для

допроса врача-нарколога судом отказано необоснованно. Утверждает также, что Важалина оговорила его на предварительном следствии, а он из жалости к ней и с целью облегчить свое положение признал себя виновным в приобретении амфетамина. Наказание назначено ему чрезмерно суровое, просит приговор отменить и оправдать его, ограничившись временем содержания под стражей, или зачесть время содержания под стражей в следственном изоляторе в срок отбывания наказания из расчета 1 день за 2 дня. Кроме того, просит о возвращении арестованных у него денежных средств, указывая, что их отсутствие лишило его возможности заключить соглашение с адвокатом, а защитник по назначению не оказывал ему в суде никакой юридической помощи. Ссылается также на некомпетентность судьи;

осужденная Важалина просит разобраться объективно в ее деле, считая, что по ст. 211 ч. 2 п. п. «а, в» УК РФ она осуждена необоснованно, поскольку никаких действий в отношении пилота Р[redacted] не совершала, а действия Русакова явились эксцессом исполнителя. Показания Русакова, о том, что она дала ему указание применить угрозу к Р[redacted], считает оговором. Указывает также, что оказывая Шестакову пособничество в побеге, она ни к кому насилия не применяла и никому угрозы применения насилия не высказывала, поэтому ее действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 313 УК РФ, а наказание смягчить, поскольку оно является несправедливым.

В возражениях на апелляционное представление осужденный Шестаков просит оставить его без удовлетворения, ссылаясь на то, что угонять автомобиль З[redacted] не собирался, о чем он пояснял на первом же допросе, а наказание ему назначили и так чрезмерно суровое.

В возражениях на апелляционную жалобу адвоката Пака осужденный Русаков просит оставить ее без удовлетворения, указывая, что Важалина не только оговорила его, но и поставила его в известность о предстоящем побеге Шестакова и использовании для этого вертолета в самый последний момент.

В возражениях на апелляционные жалобы государственный обвинитель Корнилов просит оставить их без удовлетворения.

Проверив материалы дела и обсудив доводы апелляционного представления, апелляционных жалоб и возражений, Судебная коллегия считает, что апелляционное представление является обоснованным, а апелляционные жалобы удовлетворению не подлежат по следующим основаниям.

Виновность Русакова и Важалиной в захвате и угоне судна воздушного транспорта – вертолета «МИ-2», принадлежащего ОАО «[redacted]», с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а Шестакова - в организации этого преступления, подтверждается совокупностью имеющихся в материалах дела и приведенных в приговоре доказательств.

Так, из показаний потерпевшего Р[redacted], пилотировавшего вертолет, следует, что через несколько минут после взлета с базы «[redacted]» с Русаковым и Важалиной на борту с него сдернули наушники, и он увидел возле себя Русакова, у которого в правой руке был пистолет, а на мизинце висела граната, он воспринял их как боевые. Русаков отдавал ему команды, заставив лететь к пос. [redacted] и там снизиться над территорией исправительной колонии, где они забрали Шестакова, а затем приземлиться в полутора километрах от зоны для посадки Шестакова в вертолет. У последнего в руках находился пистолет, который он также воспринимал как боевой ввиду его сходства с пистолетом Макарова. Он снова поднял вертолет в воздух и затем уже приземлился в районе [redacted], где Шестаков, Русаков и Важалина выпрыгнули из вертолета.

Доводы апелляционных жалоб о том, что угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, при захвате и угоне вертолета осужденными не применялась, опровергаются вышеприведенными показаниями потерпевшего Р[redacted], который последовательно пояснял, что его действия были вынужденными, поскольку он опасался применения оружия, воспринимая его как боевое.

Суд обоснованно признал показания Р[redacted] достоверными, так как они подтверждаются показаниями начальника диспетчерского центра по обслуживанию воздушного движения - свидетеля Х[redacted] о том, что Р[redacted] некоторое время не выходил на связь, а когда связь возобновил, то сообщил, что он подвергся нападению со стороны двух мужчин и женщины, у которых было оружие, вынужден был подчиниться и выполнять их указания, и фонограммой переговоров между диспетчерами и пилотом вертолета Р[redacted], находящейся на СВ-диске, изъятом у Х[redacted]

Кроме того, из показания самих осужденных видно, что на предварительном следствии они признавали, что между ними была договоренность об использовании в отношении пилота вертолета в качестве угрозы заранее приобретенного имитационного оружия, что согласуется с показаниями потерпевшего Р[redacted] и вышеназванного свидетеля и соответствует фактическим обстоятельствам дела.

Утверждения Шестакова и Важалиной об эксцессе исполнителя также являются несостоятельными, поскольку захват и угон вертолета были произведены на основании плана, разработанного Шестаковым, предусматривающего применение Русаковым угрозы насилием, опасным для жизни и здоровья, согласованного с Русаковым и Важалиной и одобренного ими, о чем свидетельствует характер совершенных ими действий – приобретение пистолета и гранат, похожих на боевое оружие, доведение их внешнего вида до совершенного в ходе подготовки к преступлению и пронос их в салон вертолета.

О наличии такого плана свидетельствует не только согласованность действий осужденных, но и показания Русакова, его явка с повинной, из которых следует, что они заранее договорились захватить и угнать вертолет путем устрашения пилота Р

Утверждения Русакова в жалобе о том, что он написал явку с повинной и дал показания в состоянии наркотического опьянения, являются несостоятельными, поскольку на очной ставке с Шестаковым он подтвердил, что в телефонном разговоре Шестаков просил его показать пилоту пистолет и предмет, похожий на боевую гранату (т. 11 л. д. 116-120).

Необоснованными являются также доводы апелляционных жалоб о том, что суд неправильно расценил действия осужденных по использованию арендованного ими вертолета, как захват и угон судна воздушного транспорта.

Как следует из показаний потерпевшего Р, представителя ОАО «» П и свидетеля С - оператора по планированию Вологодского центра обслуживания воздушного движения филиала , и об этом правильно указано в приговоре, полет вертолета проходил с нарушением полетного плана, с отклонением от согласованного маршрута в сторону п. , с выполнением зависания над территорией исправительного учреждения, находящегося в зоне запрещения полетов, и двумя незапланированными посадками.

Эти фактические обстоятельства указывают на то, что вертолет был захвачен осужденными, установившими полный контроль над указанным судном воздушного транспорта, и руководившими его дальнейшим полетом, независимо от диспетчерской службы, в результате чего была создана угроза общественной безопасности.

В связи с этим, суд правильно квалифицировал действия Русакова и Важалиной по ст. 211 ч. 2 п. п. «а, в» УК РФ, а действия Шестакова - по ст. ст. 33 ч. 3 и 211 ч. 2 п. п. «а, в» УК РФ.

Вопреки доводам апелляционных жалоб, суд также правильно квалифицировал действия Шестакова, связанные с побегом из исправительной колонии, по ч. 3 ст. 313 УК РФ, как совершенные с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а действия Русакова и Важалиной по ч. 5 ст. 33 и ч. 3 ст. 313 ч. 3 УКФ, как пособничество в совершении побега, совершенного с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, поскольку применение такой угрозы к пилоту вертолета Р явилось необходимым условием для совершения Шестаковым побега из колонии, охватывалось умыслом всех осужденных и являлось частью разработанного и осуществленного ими плана.

При этом угроза насилием, опасным для жизни и здоровья, применялась Русаковым по согласованию с Шестаковым и Важалиной, согласно показаниям потерпевшего Р, не только во время захвата и угона вертолета, но и непосредственно в момент снижения вертолета для прикрепления Шестакова к альпинистскому тросу и буксирования его на нем за пределы территории исправительной колонии.

Что касается фактических обстоятельств применения угрозы насилием в отношении представителей власти - потерпевших К, К К и К которые в силу своих должностных обязанностей пытались задержать Шестакова на временном розыскном посту, организованном на въезде в д. , и в отношении потерпевших П и Г, преследовавших Шестакова также в силу своих должностных обязанностей после того, как он бросил угнанный им автомобиль, принадлежащий К, то они не оспариваются в апелляционных жалобах, а выводы суда о том, что все потерпевшие реально воспринимали высказанную Шестаковым угрозу их жизни и здоровью, являются обоснованными, так как они принимали меры к предотвращению возможного причинения им физического вреда.

Поэтому действия Шестакова правильно квалифицированы по ст. 318 ч. 1 УК РФ.

Не влияют на правовую оценку действий Шестакова, связанных с угоном автомобиля К, его утверждения в жалобе о том, что он воспользовался этим автомобилем только для того, чтобы скрыться от преследования, поскольку самовольная поездка на чужом транспорте

сама по себе означает его угон. В связи с этим, действия Шестакова по ч. 1 ст. 166 УК РФ квалифицированы правильно.

Необоснованными являются также доводы апелляционных жалоб о недоказанности вины Русакова в незаконном хранении психотропных веществ, поскольку они опровергаются обнаружением у него при обыске пакета с порошком, который по заключению эксперта является амфетамином, массой 1, 473 грамма, и его собственными показаниями на предварительном следствии, в которых он признавал, что хранил амфетамин при себе и употреблял его. Остатки же этого вещества были изъяты при задержании.

Ссылка осужденного Русакова в жалобе на то, что этот порошок ему передала Важалина, называя его энергетическим средством, не влияет на выводы суда о его виновности и на правильность квалификации его действий по ст. 228 ч. 2 УК РФ.

Оснований для применения ст. 10 УК РФ, в силу которой, Постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 года № 1002, по мнению адвоката Макарова, улучшает его положение, так как объем обнаруженного у него амфетамина в настоящее время относится к крупному, а не особо крупному размеру, не имеется, о чем правильно указано в приговоре.

Психическое состояние Русакова исследовано в ходе предварительного и судебного следствия надлежащим образом. Нарушений норм уголовно-процессуального закона при назначении и проведении судебно-психиатрической экспертизы не допущено. Компетентность экспертов сомнений не вызывает. Выводы экспертов по вопросу вменяемости Русакова являются обоснованными и мотивированными. Показания Русакова о том, что он в момент совершения преступления находился в состоянии наркотического опьянения, как правильно указано в приговоре, экспертам были известны, они являлись предметом исследования и получили надлежащую оценку в заключении. Оснований для допроса врача-нарколога не имелось, в связи с чем, ходатайство Русакова правильно оставлено судом без удовлетворения (т. 19 л. д. 233).

Доводы жалобы Русакова о том, что адвокат Купцова неправильно осуществляла его защиту на предварительном следствии, а судья был некомпетентен при рассмотрении дела и после него, являются надуманными, так как не подтверждаются материалами дела.

Надуманными являются также утверждения Русакова о неоказании ему надлежащей юридической помощи в суде адвокатом по назначению.

Таким образом, оснований для отмены или изменения приговора по доводам апелляционных жалоб, связанным с недоказанностью вины осужденных и квалификацией их действий, не усматривается.

Вместе с тем, приговор подлежит изменению по доводам апелляционного представления ввиду неправильного применения уголовного закона.

Как обоснованно указывается в апелляционном представлении, суд неправильно квалифицировал действия Шестакова, совершенные в отношении потерпевших З, по ст. 119 ч. 1 УК РФ, как угрозу убийством, осуществления которой они опасались.

Из материалов дела видно, и об этом неоднократно указано в приговоре, что Шестаков после совершения побега из исправительной колонии пытался скрыться от преследовавших его сотрудников полиции и службы исполнения наказаний.

С этой целью он вначале завладел принадлежащим К автомобилем, который вскоре вынужден был бросить на дороге недалеко от станции технического обслуживания, увидев двигающийся ему навстречу патрульный автомобиль, в котором находились полицейские П и Г.

Затем Шестаков стал убегать от П и Г которые с целью его задержания произвели несколько выстрелов из своего табельного оружия.

Продолжая скрываться от преследования, Шестаков забежал на территорию станции технического обслуживания, где стоял автомобиль марки «» с государственным номером, в котором находились З и З и подбежал к этому автомобилю.

Направив на З пневматический газобаллонный многозарядный пистолет модели «Макаров», внешне похожий на боевой пистолет, Шестаков попытался проникнуть в салон автомобиля, однако З успел заблокировать замки дверей, а З завести двигатель. Автомобиль тронулся с места и проволок несколько метров держащегося за ручку двери Шестакова, после чего тот упал на землю.

После этого Шестаков снова побежал, пытаясь скрыться от преследования сотрудников полиции, но был задержан ими.

Таким образом, действия Шестакова, как предшествовавшие высказанной им угрозе потерпевшим З, так и последующие после этого, свидетельствуют, как правильно указано в апелляционном представлении, о наличии у него умысла на угон автомобиля и правильности их квалификации органами предварительного следствия по ст. ст. 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ.

Суд же, квалифицируя действия Шестакова по ст. 119 ч. 1 УК РФ, вопреки установленным им самим фактическим обстоятельствам дела, указал в приговоре, что объективных и убедительных доказательств того, что умысел Шестакова был направлен на неправомерное завладение (угон) автомобиля З не получено. В связи с этим суд усмотрел неустранимые сомнения в виновности подсудимого и истолковал их в его пользу, ссылаясь на ст. 14 УПК РФ.

Между тем, суд не учел не только фактические обстоятельства дела, но и оставил без внимания объяснения самого Шестакова в судебном заседании о том, что он «хотел, чтобы З отвезли его» (т. 19 л. д. 181). На предварительном следствии Шестаков также пояснял, что он «пытался сесть в автомобиль З, чтобы они увезли его куда-нибудь» (т. 10 л. д. 152-156). Эти показания Шестакова, как следует из протокола, оглашались в судебном заседании (т. 19 л. д. 184), однако оценки в приговоре не нашли.

Принимая во внимание вышеизложенное, и, учитывая, что положение Шестакова по отношению к обвинению, предъявленному органами предварительного следствия, не ухудшается и не нарушается его право на защиту, Судебная коллегия считает необходимым переквалифицировать его действия со ст. 119 ч. 1 УК РФ на ст. ст. 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ, как покушение на неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (угон), совершенное с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья.

Наказание по этой статье Шестакову следует назначить с учетом характера и степени общественной опасности преступления, данных о его личности и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, признанных судом в приговоре.

Поскольку в апелляционном представлении поставлен вопрос не только о неправильной квалификации действий Шестакова, но и о необоснованном назначении ему чрезмерно мягкого наказания, как за отдельное преступление, так и по совокупности преступлений и

приговоров, оно подлежит усилению в связи с переквалификацией действий осужденного на более строгий уголовный закон.

Оснований для смягчения наказания, назначенного ему по ст. ст. 33 ч. 3 и 211 ч. 2 п. п. «а, в», 313 ч. 3, 318 ч. 1 и 166 ч. 1 УК РФ, по доводам апелляционных жалоб не имеется, поскольку оно соразмерно содеянному и данным о его личности.

Наказание Русакову и Важалиной назначено также с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, данных о личности, и обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих наказание. Оснований для его смягчения по доводам апелляционных жалоб не усматривается.

Руководствуясь ст. ст. 389-13, 389-20, 389-24, 389-26 и 389-28 УПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

апелляционное представление государственного обвинителя Корнилова А. В. удовлетворить.

Приговор Вологодского областного суда от 28 января 2013 года в отношении **ШЕСТАКОВА А[redacted] В[redacted]** изменить:

переквалифицировать его действия со ст. 119 ч. 1 УК РФ на ст. ст. 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ, по которой назначить наказание в виде лишения свободы на срок 4 года.

На основании ст. 69 ч. 3 УК РФ, по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 33 ч. 3 и 211 ч. 2 п. п. «а, в», 313 ч. 3, 318 ч. 1, 166 ч. 1, 30 ч. 3 и 166 ч. 4 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначить Шестакову А. В. - 16 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года с установлением для него следующих ограничений и обязанностей: не изменять место жительства и не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не появляться в общественных местах в ночное время с 22 часов до 6 часов, три раза в месяц являться на регистрацию в указанный специализированный государственный орган. На основании ст. 70 УК РФ путем частичного присоединения не отбытой части наказания, назначенного приговором Череповецкого городского суда Вологодской области от 7 декабря 2000 года, в виде 9 лет лишения свободы окончательно к отбытию назначить Шестакову А. В. - 25 лет

лишения свободы с отбыванием первых 5 лет в тюрьме, а остального срока в исправительной колонии особого режима с ограничением свободы на 2 года с установлением для него следующих ограничений и обязанностей: не изменять место жительства и не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не появляться в общественных местах в ночное время с 22 часов до 6 часов, три раза в месяц являться на регистрацию в указанный специализированный государственный орган.

В остальном приговор в отношении Шестакова Алексея Витальевича и этот же приговор в отношении **РУСАКОВА А**[redacted] **А**[redacted] **и ВАЖАЛИНОЙ Т**[redacted] **В**[redacted] оставить без изменения, а апелляционные жалобы - без удовлетворения.

Председательствующий:

Судьи:

[redacted]